

**Фонологическая система памятника
ливвиковского наречия карельского языка 1804 г.**

И. П. Новак

*Институт языка литературы
и истории Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
novak@krc.karelia.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье представлено описание вокалической и консонантной систем одного из самых ранних печатных памятников ливвиковского наречия карельского языка – опубликованного в 1804 г. в Санкт-Петербурге «Перевода некоторых молитв и сокращённого катехизиса на олонетском языке», не выступавшего до настоящего момента объектом лингвистического анализа. На основе выявленных членов сопоставительных явлений карельского языка произведена диалектная локализация языка перевода.

Цель: выявление изменений фонологической системы языка памятника письменности.

Материалы исследования: переводы «Молитвы Господней», «Символа веры», «Молитвы Богоматери» и «Сокращённого катехизиса» на ливвиковское наречие карельского языка; материалы по фонологии ливвиковских говоров середины XX в. из диалектной базы карельского языка Murreh.

Результаты и научная новизна. В статье впервые анализу подвергнуты графика и орфография текста «Перевода некоторых молитв и сокращённого катехизиса на олонетском языке», локализована диалектная основа языка-источника. Установлено, что в памятнике письменности довольно последовательно передана фонологическая система ливвиковского наречия карельского языка начала XIX в. Графика точно отражает структуру ливвиковского консонантизма. Передача карельского вокализма вызвала у переводчика ряд трудностей. Вопрос локализации диалектной основы решён в пользу олонетской группы говоров (город Олонец и близлежащие населённые пункты).

Ключевые слова: диалектология, история письменности, карельский язык, ливвиковское наречие, памятник письменности, переводческая деятельность

Благодарности: Автор выражает благодарность анонимным рецензентам, а также м.н.с. ИЯЛИ КарНЦ РАН Д. Ю. Баландину за помощь в наборе текста рукописи. Статья подготовлена в рамках выполнения гос. задания КарНЦ РАН, тема FMEN-2025-0001.

Для цитирования: Новак И. П. Фонологическая система памятника ливвиковского наречия карельского языка 1804 г. // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 2 (61). С. 286–298.

**Phonological system of a Livvi Karelian
written heritage piece dated 1804**

I. P. Novak

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
novak@krc.karelia.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article presents a description of the vocal and consonant systems of one of the earliest written monument of the Livvi supradialect of the Karelian language – the “Translation of some prayers and the shorter catechism in the Olonets language” published in St. Petersburg in 1804, which has not been subjected to linguistic analysis before. Based on the identified members of the comparative phenomena of the Karelian language, a dialectal localization of the language of translation was carried out.

Objective: to identify historical changes in the phonological system of the language of a written monument.

Research materials: translations of the “Lord’s Prayer”, “Creed”, “Hail Mary”, and “Shorter Catechism” into Livvi Karelian; materials on the phonology of Livvik dialects of mid-XX century from the database of Karelian dialects Murreh.

Results and novelty of the research: in the article, for the first time, the script and spelling of the “Translation of some prayers and the shorter catechism in the Olonets language” are analyzed, and the dialect basis of the source language is

localized. The study demonstrated that the written monument renders quite consistently the phonological system of the early XIX century Livvi Karelian supradialect. The script accurately conveys the structure of the Livvi consonantism. The translators had some difficulties with rendering the Karelian vocalism. In locating the dialectal basis preference was given to the Olonets dialect group (town of Olonets and nearby communities).

Key words: dialectology, written language history, Karelian, Livvi Karelian, written heritage, translation work

Acknowledgments: the author is grateful to the anonymous reviewers and to Junior Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences D. Yu. Balandin for his help with typesetting the manuscript. The article was prepared under state assignment to the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, research theme FMEN-2025-0001.

For citation: Novak I. P. Phonological system of the Livvi Karelian written heritage piece dated 1804 // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (2/61): 286–298.

Введение

Памятники карельской письменности – ценнейшие, но всё ещё слабоизученные источники информации по истории языка. Ранняя карельская письменность не отличается обликом как печатных, так и рукописных текстов [7]. Наличие последних [5; 14] позволяет проследить становление собственно карельского наречия¹ с середины XVII в. Определённое представление о предшественнике людиковского наречия² того же периода дают тексты карельско-вепских заговоров [6]. В свою очередь, первым известным памятником ливвиковского наречия³ остаётся «олонецкий» словарь из «Сравнительного словаря всех языков и наречий ...» (1787, 1789) П. С. Палласа [8], представленный 275 лексемами. Объём и характер этого источника, конечно, не является репрезентативным для всестороннего лингвистического анализа языка. Наиболее интересным в этом плане представляется вышедший в 1804 г. в Санкт-Петербурге «Перевод некоторых молитв и сокращённого катехизиса на олонецком языке» [10].

В конце XVIII – начале XIX в. в целях утверждения народов Российской Империи в православной вере и в просветительских целях была осуществлена большая работа по переводу молитв и христианских текстов на языки нерусского населения. Священный Синод в Указе от 22 января 1803 г. предписал «архиереям, в епархиях которых имелись инородцы, ... позаботиться о переводах катехизиса и церковных молитв на татарский, мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий и корельский

языки» [12, 6]. Эти тексты в последние годы часто выступают в качестве объектов лингвистических исследований [1; 2; 4; 16]. Перевод был выполнен на два наречия карельского языка: ливвиковское [10] и собственно карельское [9]. До настоящего момента ни один из них не подвергался подробному анализу. Отдельные людиковские следы в «олонецком» переводе были описаны М. Пахомовым [21].

К задачам настоящего исследования относятся анализ графики и орфографии «Перевода некоторых молитв и сокращённого катехизиса на олонецком языке», определение степени отражения на письме фонологии ливвиковского наречия карельского языка, уточнение диалектной основы языка-источника.

Материалы и методы

Источником для исследования послужили тексты, представленные в издании 1804 г. «Перевод некоторых молитв и сокращённого катехизиса на олонецком языке» [10]. Речь идёт о переводах на ливвиковское наречие трёх молитв («Молитва Господня», «Символ веры» и «Молитва Богоматери») и «Сокращённого катехизиса». Все переводы сопровождаются текстом на языке оригинала. Основой для перевода катехизиса выступил «Сокращённый катехизис» 1778 г. митрополита Платона, в котором христианское вероучение представлено в виде 31 вопроса и ответов на них [15].

Оцифрованный и размеченный текст анализируемого источника, а также его транслитерация на латиницу с учётом современных норм

¹ На собственно карельском наречии карельского языка говорят потомки древнекарельского населения северо-западного Приладожья, проживающие на территориях Северной и Средней Карелии, Тверской и Ленинградской областей.

² Занимаемая людиковским наречием узкая полоса карельских говоров вытянулась вдоль побережья Онежского озера от г. Кондопога до с. Михайловское Олонецкого района Карелии.

³ Носители ливвиковского наречия проживают на территориях Пряжинского и Олонецкого районов Карелии.

карельской орфографии размещены в Подкорпусе памятников письменности Корпуса Веп-Кар [14].

В исследовании использован метод сопоставления языкового материала памятника с данными ливвиковского новописьменного варианта карельского языка (= ливв.) и материалами по фонологии ливвиковских говоров середины XX в., представленными в диалектной базе карельского языка Murreh [20]. Речь идёт об оцифрованных версиях «Программ по собиранию материалов для диалектологического атласа карельского языка»¹, заполненных в 45 населённых пунктах Олонецкого, Ведлозерского, Пряжинского и Петровского районов Карельской АССР / Карело-Финской ССР в 1937–1948 гг. Каждая анкета содержит порядка 2 тысяч вопросов, половина из которых по фонологии.

Результаты

В анализируемом памятнике ливвиковского наречия карельского языка представлено 1,9 тыс. слов. В тексте чётко, за исключением редких случаев раздельного написания единых лексем (напр., *гэнь ггэсь* ‘от духа’, *вара махь* ‘опасаться’ > *гэньггэсь, варамахь*) и слитного написания двух лексем (напр., *Алатана* ‘не убей’, *нёвволапси* ‘наставлять детей’ > *Ала тана, нёвво лапси*), соблюдены границы между словами. Отсутствие унификации обнаруживает слитное / раздельное написание послелогов и частиц с главным словом, напр., *славань келл* ‘со славой’ / *пойланкелл* ‘с сыном’, *ей сүтүстенъ* ‘не свирепо’ / *ейтүта* ‘не попасть’.

Для передачи карельского текста использован церковнославянский алфавит без введения особых графем для обозначений специфических звуков карельской фонетики. Количество ошибок набора минимально, напр., *кю́гитлахъ* > *пю́гитлахъ* ‘святится’, *велеу́нгкойнь* > *велзунгкойнь* ‘должник-GEN.PL’ (л. 6), *родикүгезэ* > *родинүгезэ* ‘рождённый’, *э́кне* > *э́нне* ‘прежде’ (л. 6, об.), *ганекъ* > *ганеңъ* ‘его’ (л. 7), *риститюжекъ* > *риститюжеңъ* ‘христианин-GEN’, *ка́гижойнь* > *па́гижойнь* ‘говорящий-GEN.PL’ (л. 8), *ми́дуле* > *ми́нуле* ‘мне’ (л. 8, об.), *кансито́иштү* > *каксито́иштү* ‘двенадцать’ (л. 13), *на́длаштү* > *на́длаштү* ‘голодный-PART’ (л. 21), *кү́квесь* > *кү́ввесь* ‘шестой’ (л. 21), *ка́геңсась* > *ка́геқсась* ‘восьмой’ (л. 22, об.).

Из диакритических символов наиболее частотным является акут (острое ударение), который за редким исключением падает на первый слог слова, напр., *ни́ми* ‘имя’, *пю́га* ‘святой’. Гравис (тупое ударение) используется для обозначения второстепенного ударения на конце слова, напр., *ги́бьатдй* ‘бестелесный’, *ми́ну* ‘меня’, или в редких односложных словах, напр., *вѣ* ‘введи’, *ми* ‘что’. В нескольких случаях представлено использование каморы, напр., *и́ пгънь* ‘и содержи’, *ка́гижойнь и́ апосто́лойнь* ‘Пророческих и Апостольских’. Из диакритических в начале предложения при прописной букве употребляется также псила (знак придыхания), сочетающаяся с акутом, напр., *ѐ́ла та́хто* ‘Не пожелай’, *ѐ́га* ‘Всякий’, *ѐ́зунду* ‘Содействие’. На конце слов, согласно правилам церковнославянской орфографии, после согласных проставлен ъ (ер).

Гласные звуки в тексте перевода представлены 14 графемами (см. табл. 1).

Таблица 1

Графемы, обозначающие гласные звуки

Гр.	Пример	В современной графике
а	[a]: <i>а́нна</i> ‘дай’, <i>алаганъ</i> ‘внизу’, <i>та́батъ</i> ‘нравы’, <i>па́га</i> ‘плохой’, <i>му́га</i> ‘так’	<i>anna, alahan, tabat, paha, tuga</i>
	[æ]: <i>а́йяль</i> ‘весьма’, <i>ала́ота</i> ‘не бери’, <i>келдавь</i> ‘запрещает’, <i>мина</i> ‘я’, <i>ю́га</i> ‘всякий’, <i>на́хта</i> ‘видеть’	<i>äijäl, älä ota, kieldäy, minä, yhä, nähtä</i>
	[ua]: <i>та́тто</i> ‘отче’, <i>са́ю</i> ‘родитель’, <i>пой́га о́ма</i> ‘сын свой-PART’, <i>ка́нда</i> ‘носить’	<i>tuatto, suaju, poigua omia, kandua</i>
	[iæ]: <i>а́тта</i> ‘оставить’, <i>е́лленда</i> ‘понимать’	<i>jättiä, ellendiä</i>
	[ja]: <i>пра́виатъ</i> ‘правители’, <i>си́аль</i> ‘на месте’	<i>pravijat, sijal</i>

¹ Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка // НА КарНЦ РАН. Ф. 1, Оп. 38, №№ 16–20, 23–32, 79, 81–83, 86–88, 90–93, 95–99, 123, 124, 128, 129, 131, 133–136, 261, 263, 267; Оп. 43, №№ 15, 18. Петрозаводск, 1937–1948.

е	[ɛ]: мей ^л ань / мей ^л ань 'наш', сэй ^ч емесъ 'седьмой', о́йгей 'правильный', юхтеги ^ж еле 'в соборную', та ^л гте 'ради'	meijän, seiččemes, oigei, yhtehižele, tähte
	[iɛ]: тед ^л авъ 'знает', меле ^т ь 'мысли', тед ^л а 'знать', ма ^г енъ 'сладкий-GEN'	tiedäv, mielet, tiediä, magien
	[æ]: ра ^л хкенъ 'грех-ACC'	riähkän
	[œ]: лев ^л вату 'найденный'	löyvätty
	[yœ]: меме 'по', сид ^л аме 'потому'	myöte, sidä myö
	[jɛ]: оста ^е сь 'покупая', ви ^е сь 'пятый', па ^е та 'убегать'	ostajes, viijes, pajeta
є	[ɛ]: єкне 'прежде', єнам ^б и 'больше', єлав ^т ь 'не введи'	enne, enämbi, elä vie
	[iɛ]: єл ^л ехп ^л ай 'впредь', єль 'перед'	iellehpäi, iel
	[jɔ]: єга ^й жель 'на каждом', єв ^д авусту 'праздность-PART'	jogaižel, joudavustu
	[jɛ]: па ^е та 'убегать'	pajeta
и	[i]: и ^ж а 'отец-PART', и ^ч еле 'себе', ни ^м и 'имя', ми ^н а 'я', ки ^р ики ^о гъ 'в церковь', то ^й чи 'иногда'	ižä, ičele, nimi, minä, kirikköh, toiči
	[j]: па ^г оисъ 'в плохих', во ^и въ 'может', га ^и 'он', ка ^и 'весь',	pahois, voiv, häi, kai
	[i:]: кни ^г атъ 'книги', жи ^в атоиле 'скотине', ра ^л хки 'грех-PART.PL', ор ^ь и 'раб-PART.PL'	kniigat, žiivatoile, riähkii, orjii
ï	[i]: елав ^й и и кол ^й и 'живых и мёртвых', ту ^л и ^л а 'будущий-PART', с ^й аль 'на месте', ви ^е сь 'пятый', ви ^л а 'вести'	elävii i kuolejii, tulijua, sijal, viijes, viijä
о	[ɔ]: ей ^л е 'нет', кон ^з у 'когда', то ^й не 'другой', в ^г ро 'вера', ма ^м о 'мама'	ei ole, konzu, toine, viero, tuamo
	[œ]: ки ^р икко 'церковь', ню ^г ой 'сейчас', ка ^с ковъ 'повелевает', на ^г овъ 'видит'	kirikkö, nygöi, käsköy, nägöy
	[uɔ]: во ^т анъ 'жду', то ^в ь 'приносит', мо ^к але 'мучению', ге ^б о 'лошадь-PART'	vuotan, tuoui, tuokale, hebuo
о	[ɔ]: ом ^й хъ 'в свои', о́йгей 'правый', о ^м а 'свой'	omih, oigei, oma
у	[u]: му ^г а 'так', вал ^д у си ^н унъ 'воля твоя', и ^г асту 'радуйся', кон ^з у 'когда'	muga, valdu sinun, ihastu, konzu
	[y]: с ^ю ндуле 'христу', ме ^й ду 'мы-PART'	syndyle, meidy
У	[u]: ус ^к онъ 'верую', ку ^й / ку ^й 'как', ну ^ж у 'нужда', си ^н унъ 'твой', вел ^г уньку 'должник'	uskon, kui, nuužu, sinun, velguniekku
	[y]: ю ^т уй / ю ^т уй 'подобный', е ^р асту 'иной-PART', г ^л нду 'он-PART'	jytyi, erästy, händy
	[u:]: у ^з и 'новый', ку ^л овъ 'слышит', с ^у рень 'большой-GEN', аб ^у 'помощь-PART'	uuzi, kuulou, suuren, abuu
ы	[i]: ге ^й тыхъ 'он сошёл', от ^т ы 'он взял', вал ^г ашты 'он просветил'	heittih, otti, valgašti
	[i:]: ты ^л анъ 'знаю'	tijän

Ѣ	[iɛ]: <i>ми́лесь пѣнь</i> ‘в мысли держу’, <i>тѣдавѣ</i> ‘знает’, <i>ни́мь</i> ‘ИМЯ-PART’, <i>лѣгѣ</i> ‘читать’	<i>mieles pien, tiedäy, nimie, lugie</i>
	[ɛ]: <i>лѣйбю</i> ‘хлеб’, <i>ѣлѣнда</i> ‘понимать’, <i>о́йгѣй</i> ‘справедливый’	<i>leiby, ellendiä, oigie</i>
	[uɛ]: <i>ми́дамь</i> ‘почему’, <i>си́дамь</i> ‘потому’	<i>midä myö, sidä myö</i>
Ю	[y]: <i>ю́хтеле / юхтеле</i> ‘единому’, <i>ю́кси</i> ‘один’, <i>кю́зюндү</i> ‘вопрос’, <i>пю́га</i> ‘святой’, <i>рѣхкю</i> ‘грех’	<i>yhtele, yksi, kuzyndy, pyhä, riähky</i>
	[ju]: <i>ю́малале</i> ‘богу’, <i>ки́рьютетту</i> ‘написано’, <i>са́ю</i> ‘родитель’, <i>ла́гью</i> ‘дар’	<i>jumalale, kirjutettu, saaju, lahju</i>
	[jy]: <i>ю́түй</i> ‘подобно’	<i>jytyi</i>
	[ju:]: <i>ю́ретта</i> ‘укоренить’	<i>juurettua</i>
Я	[ja]: <i>явно</i> ‘явно’	<i>javno</i>
А	[æ]: <i>га́й</i> ‘он’, <i>на́мать пю́гажеть пѣивать</i> ‘эти святые дни’, <i>та́ма</i> ‘этот’, <i>ка́вва</i> ‘ходить’	<i>häi, nämät pyhäžet päivät, tämä, kävvä</i>
	[æ:]: <i>па́ста</i> ‘избавь’, <i>рѣхкю</i> ‘грех’, <i>га́рка</i> ‘бык-PART’, <i>пи́да</i> ‘держатъ’	<i>piästä, riähky, härkiä, pidiä</i>
	[ja]: <i>лу́а</i> ‘символ’, <i>ду́майа</i> ‘думать’	<i>luja, duumaija</i>
	[jæ]: <i>а́лгимай</i> ‘напоследок’, <i>а́та</i> ‘оставь’, <i>ме́йань</i> ‘наш’, <i>пи́даале</i> ‘держателю’	<i>jälgimäi, jätä, meijän, pidäjäle</i>

Анализ вокалической системы карельского текста указывает на наличие у переводчика определённых сложностей при передаче гласных звуков карельского языка кириллическими символами. Это касается переднерядных гласных, дифтонгов и долгих гласных.

Один и тот же переднерядный гласный звук в переводе представлен несколькими графемами. Так, например, для выражения гласного *ä* [æ] используются графемы *а, е, а*, гласного *ö* [œ] – *е, о*, буквосочетание *io* (*mio géйтaм-мио* ‘мы прощаем’ (*туö heitäттö*¹), *ки́рикюгъ* ‘в церковь’ (*kirikköh*)), гласного *у* [y] – *ю, у, ү*. Графемами *а, ю, е* переданы как непосредственно переднерядные гласные, так и сочетания гласных (в том числе заднерядных) с [j], напр., *ю́лагань* ‘вверху’ (*ylähän*) – *ю́малале* ‘богу’ (*jumalale*). Встречается единственный случай употребления аза-йотированного в позиции анлаута: *явно* ‘явно’.

Важно отметить, что употребление на месте переднерядных гласных их заднерядных соответствий вследствие несоблюдения за-

кона гармонии гласных, характерно, главным образом, для последних слогов слова, напр., *кю́зюндү* ‘вопрос’, *ю́түй* ‘подобный’, *ка́сковъ* ‘повелевает’, *на́говъ* ‘видит’, *ѣландахъ* ‘в житие’, *вѣзилуо́сь* ‘в водах’ (ср. ливв.: *kuzyndy, jytyi, käsköy, nägöy, eländäh, vezilöis*). Тембровый сингармонизм² представлен в современных ливвиковских говорах довольно последовательно [17, 48]. В целом по тексту наблюдается попытка передачи данного явления, напр., *ѣлавань* ‘жизнь-GEN’, *ки́рикюгъ* ‘в церковь’, *га́ндю* ‘его’, *ѣллендань* ‘понимаю’, *ѣландаль* ‘в жизни’ (ср. ливв.: *elävän, kirikköh, händy, ellendän, eländäl*).

В тексте перевода не унифицировано употребление графем *у* и *ү* в позиции инлаута, напр., *сүнунъ / сүнүнъ* ‘твой’, *мүга / мүга* ‘так’, *у* часто используется в первой части издания (в переводах молитв и в первых четырёх вопросах «Сокращённого катехизиса»), в остальном тексте графема не употребляется. Дублетность *у* и *ү* постепенно выводилась из гражданского набора ещё в XVIII в. [3, 19].

¹ В скобках примеры приведены в современной графике.

² Одновременно в слове выступают гласные либо переднего, либо заднего ряда, гласные *i, e* нейтральны.

Можно предположить, что отсутствие единообразия в употреблении этих графем в источнике связано с заменой типографского наборщика.

Вызывает вопросы и употребление графем *e* (есть простое) и *ъ* (ять), используемых для выражения фонемы [ɛ] в одинаковых фонетических позициях, напр., *ойгей* / *ойгъй* ‘правильный’, *елленданъ* ‘понимаю’ / *еллгнда* ‘понимать’, *мейанъ* ‘наш’ / *лгъйбю* ‘хлеб’.

Относительно остальных гласных стоит отметить, что в тексте соблюдены основные правила их употребления. *ε* (есть якорное) и *o* (о-широкое), в отличие от *e* (есть простого) и *o* (о-узкого), используются исключительно в анлауте. *и* (и-восьмеричное) выступает перед согласными, а *й* (и-десятеричное) перед гласным или *й*. Употребление гласного *ы* указывает на отсутствие палатализации предшествующего согласного, напр., *отты* ‘он взял’, *гейтыхъ* ‘он сошёл’.

Для современных ливвиковских говоров характерно наличие долгих гласных *ии* [u:], *уу* [y:], *йй* [i:], возводимых к прибалтийско-финскому языку основе. Соответственно, они должны были присутствовать и в языке-источнике анализируемого памятника письменности. Однако в тексте перевода рефлексы праязыковых долгих гласных переданы одиночными соответствиями, напр., *узи* ‘новый’, *күловъ* ‘слышит’, *вiesь* ‘пятый’, *жйиватта* ‘скот’, *книгатъ* ‘книги’, *тыанъ* ‘знаю’ (ср. ливв.: *uuzi, kuulou, viijes, žiivatta, kniigat, tiijän*), что является типичным приёмом для орфографии ранних памятников карельской письменности и объясняется их восприятием через призму ударного слога русского языка (см. напр. [8, 291]).

Лексемы *күввесь* ‘шестой’, *мүвваллахъ* ‘впрочем’ могут служить примером дифтонгизации долгого *ии*, т.е. сужения его второго компонента до полугласного [w], что характерно для большей части ливвиковских говоров в позиции перед слабоступенным альтернативом *v* [17, 39]. Данное явление свойственно также сужающимся дифтонгам на *и*, *у*, напр., *нэввовъ* ‘советует’, *нóвзэнду* ‘возношение’.

Сужающиеся дифтонги на *i* [j] довольно хорошо представлены в тексте памятника, напр., *күй* ‘как’, *лгъйбю* ‘хлеб’, *йгъйне* ‘вечный’,

кюллйне ‘сытый’, при этом второй их компонент выражается, главным образом, графемой *й*. Выпадение второго компонента дифтонга перед словообразовательным формантом *-ze-*, напр., *пюгжеть* ‘святые’, *вайважеле* ‘бедному’, является характерной чертой тулмозерско-видлицких, сонско-ведлозерских, олонечских и кондушских ливвиковских говоров (см. рис. 1., красный кластер).

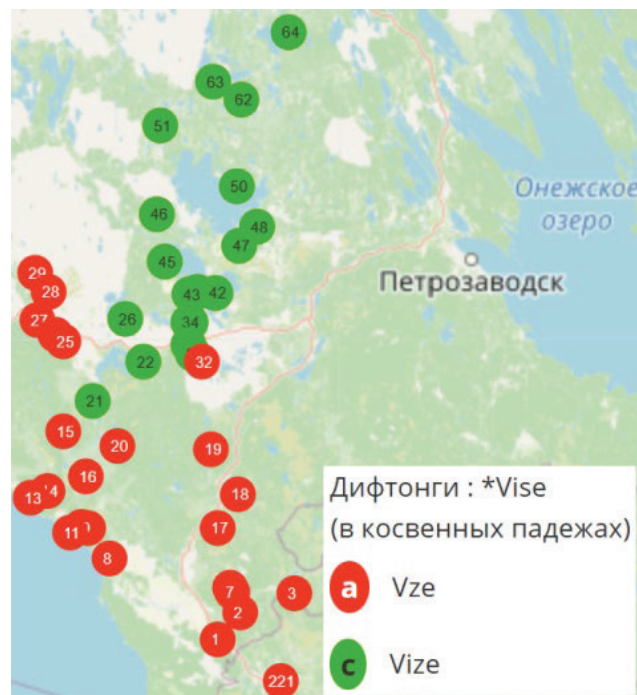

Рис. 1. Рефлексы *Vise (в косвенных падежах)

Расширяющиеся дифтонги, вторым компонентом которых выступают гласные *a, ä, o, õ, e*, в тексте источника графически не выражены. Исключением является лексема *алгүо* ‘начало-_{PART}’. Тенденция передачи расширяющихся дифтонгов карельского языка одиночными гласными укладывается в правила интеграции прибалтийско-финских дифтонгов в русский язык [13, 254].

Наиболее древними являются праязыковые дифтонги *ио, уö, ie*. Для выражения дифтонга *ie* в тексте непоследовательно используются графемы *ъ* и *e*, а в анлауте также *é*, напр., *тгъдавъ* / *тэддавъ* ‘знает’, *мгълесъ* ‘в мысли’ / *мелеть* ‘мысли’, *эль* / *эсь* ‘перед’ (ср. ливв.: *tiedäy, mieles / mielet, iel / ies*). Употребление на месте дифтонга *ie* в ряде лексем вместо графем *ъ* и *e* графем *а* и *и* может указывать на

дальнейшее расширение дифтонга, что является спорадической чертой, характеризующей олонецкие ливвиковские говоры [18, 1–17; 19, 68–86]. Напр., *лю́бл* ‘любить’, *вѣрл* ‘верить’, *ка́йкаль* ‘езде’ (*l’uubia, vieriä, kaikkial*, ср. ливв.: *l’uubie, vierie, kaikkial*).

Для передачи дифтонга *uo* используется графема *o*, напр., *кóндуй* ‘он воскрес’, *кóлли* ‘мёртвый-PART.PL’, *вóтань* ‘жду’, *гéбо* ‘лошадь-PART’ (*kuondui, kuolejii, vuotan, hebuo*), *yö* – *e* или *ъ*, напр., *мéте* ‘по’, *мíдлмъ* ‘почему’ (*myöte, midä myö*).

Особый интерес вызывает передача дифтонгов, восходящих к праязыковым **aa, *ää*, выраженным в тексте перевода одиночными *a, ä*, напр., *тáтто* ‘отец’, *пóйга óма* ‘сына своего’, *áнда* ‘давать’, *éлленда* ‘понимать’, *рáхкю* ‘грех’ (ср. ливв.: *tuatto, poigua otua ei žaleinuh, andua, ellendiä, riähky*). В современных ливвиковских говорах представлены следующие пары рефлексов анализируемых долгих гласных: *oa – eä* (сямозерско-коткозерская группа говоров – рис. 2., зелёный кластер), *ua – iä* (олонецкая, северноливвиковская, сямозерско-коткозерская – красный кластер), *aa – ää* (тулмозерско-видлицкая – оранжевый кластер), *oa – ee* (сонско-ведлозерская – голубой кластер), *ia – iä* (кондушская – розовый кластер). Принятые в тексте перевода принципы передачи долгих гласных и расширяющихся дифтонгов не позволяют сделать вывод относительно функционирования в языке-источнике той или иной пары рефлексов.

Текст памятника довольно последовательно передаёт ливвиковскую конечную огласовку начальных форм одноосновных имён с основой на гласные *a, ä*: в большей части случаев употребляются гласные *u, y*, а в многосложных словах в позиции после сонорных согласных и щелевого *j* – нуль звука, напр., *вáлду* ‘власть’, *пáйвю* ‘день’, *сóватту* ‘суббота’, *кю́зюндү* ‘вопрос’, но *ю́малъ* ‘Бог’, *лáдйй* ‘создатель’. Ливвиковские говоры обнаруживают некоторые отличия в употреблении гласных *u, y* или нуля звука в многосложных словах в позиции после согласных *t* и *v*: в олонецких и непоследовательно в видлицких говорах здесь используется нуль звука (см. рис. 3, красный кластер), что соотносится с

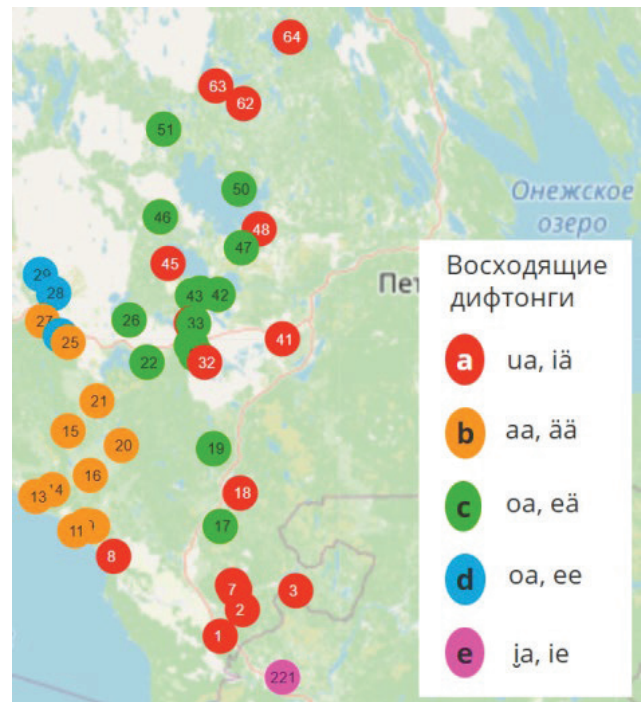

Рис. 2. Рефлексы **aa, *ää*

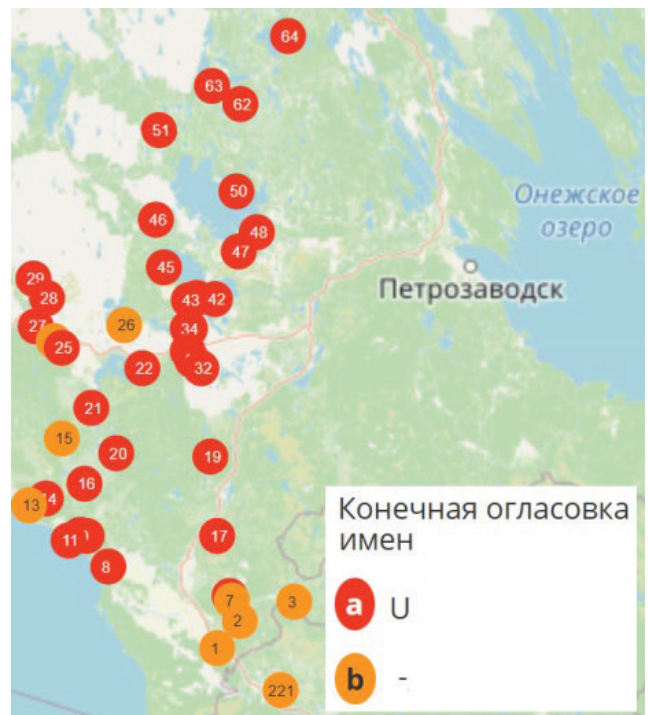

Рис. 3. Конечная огласовка начальных форм многосложных одноосновных имён с основой на *ta-, tä-, va-, vä-*

огласовкой местоимения *кúдамъ* ‘который’, представленного в анализируемом тексте.

Для обозначения **согласных звуков** в карелоязычной части источника используется 20 графем (табл. 2).

Графемы, обозначающие согласные звуки

Гр.	Пример	В современной графике
б	[b]: <i>бы</i> ‘бы’, <i>благословеньа</i> ‘благословение-PART’, <i>табатъ</i> ‘нравы’, <i>энамби</i> ‘больше’, <i>мибъ</i> ‘чтобы’	<i>bi, blagoslovenjua, tabat, enämbi, mib</i>
в	[v]: <i>валду</i> ‘воля’, <i>вотанъ</i> ‘жду’, <i>гюва</i> ‘благодать’, <i>түловъ</i> ‘придёт’	<i>valdu, vuotan, novzi, hyvä, tulov</i>
г	[h]: <i>гэбо</i> ‘лошадь-PART’, <i>гюва</i> ‘благодать’, <i>тайвагалъ</i> ‘на небесах’, <i>пагахъ</i> ‘в искушение’, <i>кириккогъ</i> ‘в церковь’, <i>служитагъ</i> ‘служат’	<i>hebuo, hyvä, taivahal, pahah, kirikköh, sluzitah</i>
	[g]: <i>велгатъ</i> ‘долги’, <i>мүга</i> ‘так’, <i>награксехъ</i> ‘насмехаться’	<i>velgat, muga, nagrakseh</i>
д	[d]: <i>друганъ</i> ‘друг-GEN’, <i>дүмү</i> ‘совет’, <i>күдамъ</i> ‘который’, <i>ладий</i> ‘создатель’, <i>нибүдь</i> ‘нибудь’	<i>druugan, duumu, kudam, luadii, nibud’</i>
ж	[ʒ]: <i>живатта</i> ‘скот-PART’, <i>ижә</i> ‘отец’, <i>ажатъ</i> ‘дела’, <i>пүттүжъ</i> ‘он попался бы’	<i>živattua, iżä, ažiat, puuttuž</i>
з	[z]: <i>законъ</i> ‘закон’, <i>заповѣди</i> ‘заповедь’, <i>үзи</i> ‘новый’, <i>конзу</i> ‘когда’, <i>товезъ</i> ‘в истине’	<i>zakon, zapovedi, uuzi, konzu, tovez</i>
й	[j]: <i>лэйбю</i> ‘хлеб’, <i>күй</i> ‘как’, <i>тойчи</i> ‘снова’, <i>пойки</i> ‘через’	<i>leiby, kui, toiči, poikki</i>
к	[k]: <i>кай</i> ‘весь’, <i>каксикюмень</i> ‘двадцать’, <i>кайкълъ</i> ‘езде’, <i>усконъ</i> ‘верую’	<i>kai, kaksikymmen, kaikkiel, uskon</i>
л	[l]: <i>лэйбю</i> ‘хлеб’, <i>лүгенъ</i> ‘читаю’, <i>валгей</i> ‘белый’, <i>мгългъхъ</i> ‘в мысль’, <i>юмалъ</i> ‘бог’, <i>талъ</i> ‘у этой’	<i>leiby, lugen, valgei, mieleh, jumal, täl</i>
м	[m]: <i>мио</i> ‘мы’, <i>мүга</i> ‘так’, <i>ними</i> ‘имя’, <i>илма</i> ‘свет’, <i>күдамъ</i> ‘который’, <i>сюдамъ</i> ‘совесть’	<i>myö, muga, nimi, ilmua, kudam, sydäm</i>
н	[n]: <i>нейдине</i> ‘дева’, <i>наговъ</i> ‘видит’, <i>санонъ</i> ‘скажу’, <i>сина</i> ‘ты’, <i>минунъ</i> ‘мой’, <i>юлень</i> ‘очень’	<i>neidine, nägöv, sanon, sinä, minun, ylen</i>
п	[p]: <i>пюга</i> ‘святой’, <i>пага</i> ‘плохой-PART’, <i>лапси</i> ‘ребёнок-PART’, <i>опаставъ</i> ‘учит’	<i>pyhä, pahua, lapsii, opastau</i>
р	[r]: <i>рахкю</i> ‘грех’, <i>варамаръ</i> ‘бояться-3.INF.ILL’, <i>тэрвегюсъ</i> ‘здоровье’, <i>напримгаръ</i> ‘например’	<i>riähky, varamah, tervehys, naprimer</i>
с	[s]: <i>сина</i> ‘ты’, <i>саналь</i> ‘словом’, <i>усконъ</i> ‘верую’, <i>игасту</i> ‘радуйся’, <i>колмасъ</i> ‘третий’, <i>юхтесъ</i> ‘вместе’	<i>sinä, syväin, uskon, ihastu, kolmas, yhtes</i>
т	[t]: <i>товесъ</i> ‘в истине’, <i>тойчи</i> ‘снова’, <i>опаста</i> ‘учить’, <i>отатъ</i> ‘возьмешь’, <i>мелетъ</i> ‘мысли’, <i>ситъ</i> ‘затем’	<i>toves, toiči, opastua, otat, mielet, sit</i>
х	[h]: <i>юхтеле</i> ‘одному’, <i>пүхтасъ</i> ‘чистый’, <i>ойггъхъ</i> ‘справа’, <i>гейтыхъ</i> ‘он сошёл’	<i>yhtele, puhtas, oigieh, heittih</i>
ц	[ts]: <i>царства</i> ‘царство’, <i>царий</i> ‘Царь’, <i>лицемгарале</i> ‘лицемеру’	<i>carstva, carii, licemerijale</i>
ч	[tʃ]: <i>тойчи</i> ‘снова’, <i>сейчемесъ</i> ‘седьмой’, <i>каччожи́мо</i> ‘мы посмотрели бы’	<i>toiči, seiččemes, koččožimo</i>
ш	[ʃ]: <i>иштуйхъ</i> ‘он сел’, <i>муштеловъ</i> ‘напоминает’, <i>тоштү</i> ‘другой-PART’, <i>олишь</i> ‘он был бы’, <i>каллишь</i> ‘дорогой’	<i>ištuih, muštelou, toštu, oliš, kalliš</i>
щ	[ɕ]: <i>ростовцекале</i> ‘лихоимцу’	<i>rostovščekale</i>

В позиции анлаута встречаются практически все фонемы, кроме *ж, х, ч, ш* и *щ. ц* и *щ, а* в анлаутной позиции также *б, д, ж, з* используются исключительно в поздних заимствованиях из русского языка. В ауслaute перед символом *ь* и крайне редко перед *ь* (*и́жась, пю́гажесгь, сюдәмель, таль*, где, очевидно, речь идёт об ошибке набора) представлены практически все согласные кроме *п, ц, ч* и *щ*, при этом *б* и *р* встречаются только в заимствованной лексике.

Для выражения фонемы [h] используется две графемы: *г* в начале слова, напр., *гэбо* ‘лошадь-PART’, *гюва* ‘благодать’, и в звонкой фонетической позиции, напр., *пагахь* ‘плохие’, *лагью* ‘дар’, *ойгъхь* ‘справа’, и *х* в сочетаниях с глухими согласными, напр., *юхтеле* ‘единому’, *ра́хкенъ* ‘грех-GEN’. В ауслaute преимущественно встречается *х*, напр., *гэйтыхь* ‘сошел’, *кэравюксахь* ‘к собранию’, однако, в тексте есть несколько примеров употребления в данной позиции графемы *г*, напр., *ки́рикюгъ* ‘в церковь’, *слү́житагъ* ‘служат’.

Ерь в середине слова обозначает мягкость согласных, напр., *ильму* ‘свет’, *кгльдавь* ‘запрещает’, а также употребляется в функции разделительного символа перед йотированными гласными, напр., *орьать* ‘рабы’, *лагью* ‘дар’, *ки́рьютетту* ‘написано’ (ср. ливв.: *orjat, lahju, kirjutettu*).

Для текста перевода характерно использование геминат *вв, кк, лл, мм, нн, пп, рр, сс, тт*, напр., *нёввовь* ‘управляет’, *ки́рикко* ‘церковь’, *си́ллоу* ‘тогда’, *кюмменесъ* ‘десятый’, *ли́ннойнь* ‘город-GEN.PL’, *го́ппулойсь* ‘в раздорах’, *эй ва́рроста* ‘не красть’, *до́носса* ‘доносить’, *тү́ттаванъ* ‘знакомый-GEN’. Гемината *гг* в слове *гэ́нгги* ‘дух’ (ср. ливв.: *hengi*), очевидно, объясняется характерным для церковнославянских текстов употреблением удвоенного *гг* вместо *нг*, что возводится к греческому образцу (см., напр. [11, 22]). Стоит также отметить, что в переводе довольно часто на месте ожидаемых удвоенных согласных выступают одиночные, напр., *ки́рикюгъ* ‘в церковь’, *кайке* ‘весь-PART.PL’, *э́лендатъ* ‘понимаешь’, *си́тенъ* ‘затем’, *ва́чахъ* ‘в чрево’, *се́йчемесъ* ‘седьмой’ (ср. ливв.: *kirikköh, kaikkie, ellendät, sitten, vačšah, seiččemes*).

Объём памятника позволяет проследить в говоре-источнике дистрибуцию переднеязычных щелевых согласных, представляющую одно из ярких сопоставительных явлений карельской диалектной речи [22]. Так, в начале исконной карельской лексики выступают исключительно свистящие согласные, что характерно для всех ливвиковских говоров, напр., *си́на* ‘ты’, *си́ндуле* ‘рождённому’, *се́* ‘тот’, *се́йчемесъ* ‘седьмой’, *са́ммута* ‘тушить’, *су́рматой* ‘бессмертный’.

Шипящие представлены в инлауте и ауслaute в позиции после гласного *и*, напр., *и́жале* ‘отцу’, *и́штуйхь* ‘сел’, *па́ишита* ‘говорить’, *на́йжисъ* ‘в жёнах’, *му́шита* ‘помни’ (<**muista-*), *мо́шму* (<**toista-*) ‘второй-PART’, *э́гаишму* ‘каждый-PART’, *ка́ллишь* ‘дорогой’, *пү́ттүжъ* ‘он попался бы’ (<**puuttuisi*), за исключением заимствования *ри́стиканзу* ‘человек’ (букв. «крещёный народ», где *ри́сти* < *крест*). Отсутствие случаев использования в положении после гласного *и* свистящих согласных является характерной чертой олонецкой и кондушской групп ливвиковских говоров (рис. 4, красный кластер).

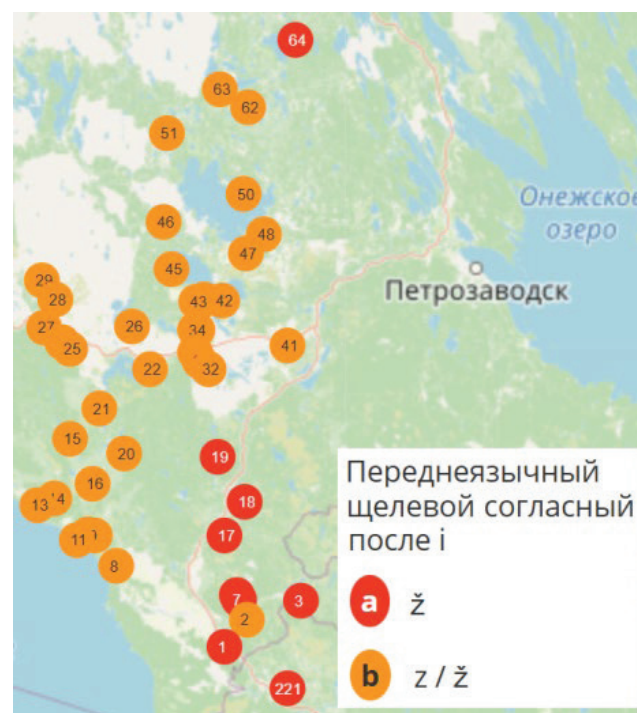

Рис. 4. Рефлексы *is

В остальных позициях за редким исключением употребляются свистящие согласные,

как это представлено в основной части ливвиковских говоров, напр., *нóвзи* ‘поднялся’, *у́зи* ‘новый’, *вэ́зи* ‘вода’, *ва́рзи* ‘край’, *ко́нзу* ‘когда’, *ю́кси* ‘один’, *ла́пси* ‘ребёнок’, *ка́сковъ* ‘велит’, *а́стун* ‘шагаю’, *и́лмасъ* ‘в свете’, *мгъ́сь* ‘человек’.

Внимание на себя обращает также отсутствие в тексте перевода фиксаций перехода $j > d'$, характерного для ряда говоров ливвиковского наречия (рис. 5, оранжевый кластер), напр., *ю́малъ* ‘Бог’, *ю́ретта* ‘укоренить’, *кирьютэ́тту* ‘предписаны’, *ла́гью* ‘дар’. Представительство явления в языке-источнике совпадает, в том числе, с олонечкими говорами.

Консонантная система памятника изобилует двучленными сочетаниями согласных, однако, важно отметить отсутствие в говоре-источнике метатезы *nh* (*ва́нгатусту* ‘престарелость-PART’), что является отличительной чертой тулмозерско-видлицкой, сонско-ведлозерской и олонечкой групп ливвиковских говоров (рис. 6, красный кластер).

Обсуждение и заключение

Несмотря на наличие некоторого числа неточностей, ошибок набора и вариантов передачи ряда графем, что является следствием отсутствия письменной традиции на карельском языке, можно заключить, что в тексте памятника фонологическая система ливвиковского наречия начала XIX в. передана довольно последовательно. Это позволяет относить «Перевод некоторых молитв и сокращённого катехизиса на олонечком языке» к ценнейшим источникам для изучения истории карельского языка.

Графическая система издания точно отражает структуру и особенности ливвиковского консонантизма, тогда как вокализм, очевидно, вызвал у переводчика некоторые трудности, что объясняется невозможностью передачи отдельных переднерядных гласных средствами кириллической графики, а также сложностями передачи не свойственных фонологической системе русского языка долгих гласных и расширяющихся дифтонгов.

Сопоставление языковых данных перевода с материалами по фонологии отдельных ливвиковских говоров, характеризуемых не-

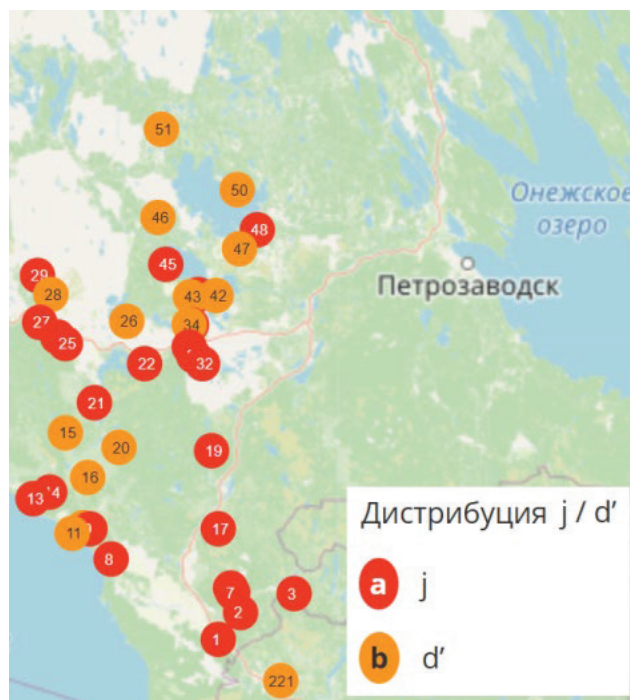

Рис. 5. Рефлексы *j

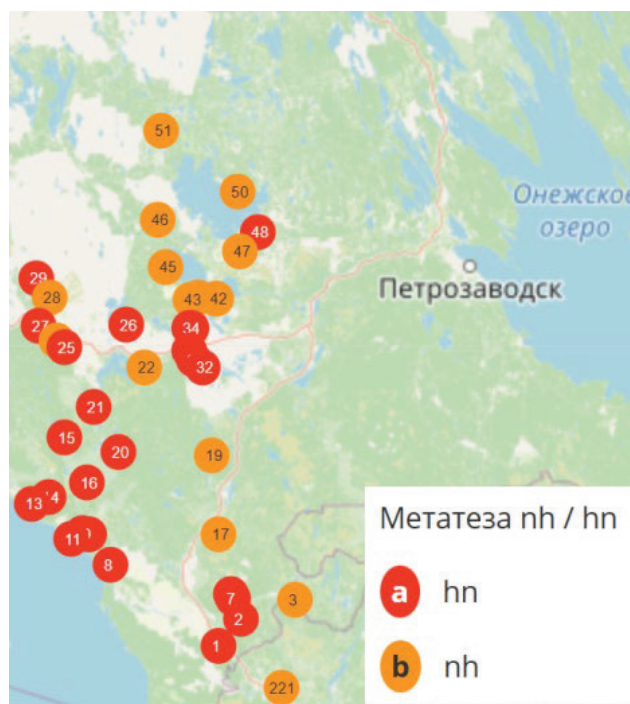

Рис. 6. Рефлексы сочетания согласных *nh

многочисленными, но яркими диалектными различиями (рефлексы **Vise*, **is*, **j*, **nh*, конечная огласовка начальных форм имён) позволяет решить вопрос о локализации источника в пользу олонечкой группы говоров (центральный уездный город Олонец

и близлежащие пункты – на картах пункты 1, 7).

В таком случае при транслитерации текста с учётом норм современной ливвиковской орфографии оправдано использование на месте рефлексов долгих *aa, *ää, представленных в переводе одиночными гласными, дифтонгов

ua, iä (см. рис. 2). Транслитерация является необходимым условием для загрузки памятника на платформу Корпуса ВепКар с целью осуществления в дальнейшем анализа его морфологической и лексико-семантической систем с использованием современных корпусных инструментов.

Список источников и литературы

1. Васильев И. Ю. Из истории изучения якутского языка («Катехизис» Г. Я. Попова) // Языковое наследие коренных народов Якутии в историко-культурном измерении. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2022. С. 39–43.
2. Исаков Р. Р. Православная переводная литература и формирование письменных традиций народов Среднего Поволжья (XIX – начало XX вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 276 с.
3. Каверина В. В. Становление русской орфографии в XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2010. 43 с.
4. Ключева М. А. Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841) // Урало-алтайские исследования. 2021. № 1. С. 31–46.
5. Муллонен И. И., Новак И. П. Древнекарельские языковые особенности в памятниках письменности второй половины XVII – начала XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. № 3. С. 720–740.
6. Мызников С. А. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX века. М.: Индрик, 2010. С. 286–310.
7. Нагурная С. В. Карельская письменность // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 65–77.
8. Новак И. П., Нагурная С. В. Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. 2023. № 3. С. 287–300.
9. Переводъ нѣкоторыхъ молитвъ и сокращеннаго катихизиса на корельскій языкъ. СПб.: Синод. тип., 1804. 31 л.
10. Переводъ нѣкоторыхъ молитвъ и сокращеннаго катихизиса на олонецкомъ языке СПб.: Синод. тип., 1804. 24 л.
11. Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык. М.: Издательский Совет РПЦ, 2006. 272 с.
12. Прокопьевъ П. К. Переводы христианскихъ книгъ на инородческіе языки въ первой половинѣ XIX в. (Историческій очеркъ). Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 40 с.
13. Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // Linguistica Uralica. 2021. № 4. С. 250–276.
14. Подкорпус памятников письменности Открытого корпуса вепского и карельского языков ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru> (дата обращения: 21.01.2025).
15. Платон. Сокращенный катихизис. Б. м., не ранее 1778. 20 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_12968/ (дата обращения: 29.01.2025).
16. Туранов А. А. К истории перевода христианских текстов на удмуртский язык в Глазовском уезде Вятской губернии в 1803 г. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. № 1. С. 102–115.
17. Karelian in Grammars / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p.
18. Karjalan kielen näytteitä II / Toim. E. Leskinen. Helsinki: SKS, 1934. 146 p.
19. Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. Helsinki: SKS, 1967. 240 p.
20. Murreh: диалектная база карельского языка. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/> (дата обращения: 31.01.2025).
21. Pahomov M. Jumalan sanaa lyydin kielellä // Karjalan heimo. 2020. № 9–10. Pp. 160–161.
22. Virtaranta P. Über das s im Karelischen // Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. Pp. 259–274.

References

1. Vasilyev I. Yu. *Iz istorii izuchenija jakutskogo jazyka* (“*Katehizis*” G. Ja. Popova) [From the history of the study of the Yakut language (“Catechism” by G. Ya. Popov)]. *Jazykovoje nasledie korennyh narodov Jakutii v istoriko-kul’turnom izmerenii* [Linguistic heritage of the indigenous peoples of Yakutia in the historical and cultural dimension]. Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN Publ., 2022. Pp. 39–43. (In Russian)
2. Ishakov R. R. *Pravoslavnaja perevodnaja literatura i formirovanie pis’mennyh tradicij narodov Srednego Povolzh’ja (XIX – nachalo XX vv.)* [Orthodox translated literature and the formation of written traditions of the peoples

- of the Middle Volga region (XIX – early XX centuries)]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2021. 276 p. (In Russian)
3. Kaverina V. V. *Stanovlenie russskoj orfografii v XVII–XIX vv.* [The formation of Russian spelling in the XVII–XIX centuries]. Moscow, 2010. 43 p. (In Russian)
4. Klyucheva M. A. *Glгол' naja morfologija v pamjatnike marijskoj pis'mennosti "Nachatki hristianskogo uchenija..." (1839 / 1841)* [Verbal morphology in the Mari literary monument "The Beginnings of Christian Doctrine..." (1839 / 1841)]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altai Studies], 2021, no. 1, pp. 31–46. (In Russian)
5. Mullonen I. I., Novak I. P. *Drevnekarel'skie jazykovye osobennosti v pamjatnikah pis'mennosti vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII v.* [Old Karelian linguistic features in literary monuments of the second half of the XVII – early XVIII centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature], 2024, no. 3, pp. 720–740. (In Russian)
6. Myznikov S. A. *Karel'sko-vepsskie zagovory Oloneckogo sbornika* [Karelian-Vepsian conspiracies of the Olonets collection]. *Russkie zagovory iz rukopisnyh istochnikov XVII – pervoj poloviny XIX veka* [Russian incantations from handwritten sources of the XVII – first half of the XIX centuries]. Moscow: Indrik Publ., 2010. Pp. 286–310. (In Russian)
7. Nagurnaya S. V. *Karel'skaja pis'mennost'* [Karelian writing]. *Narody Karelii: istoriko-jetnograficheskie očerki* [Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2019. Pp. 65–77. (In Russian)
8. Novak I. P., Nagurnaya S. V. *Lingvisticheskiy analiz karel'skogo jazykovogo materiala slovarja P. S. Pallasa* [Linguistic analysis of the Karelian language material of the dictionary of P. S. Pallas]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2023, no. 3, pp. 287–300. (In Russian)
9. *Perevod nekotoryh molitv i sokrashennogo katihizisa na karel'skij jazyk* [Translation of some prayers and an abbreviated catechism into the Karelian language]. Saint-Petersburg: Sinod. tip. Publ., 1804. 31 p. (In Russian, Karelian)
10. *Perevod nekotoryh molitv i sokrashennogo katehizisa na oloneckom jazyke* [Translation of some prayers and an abbreviated catechism in the Olonetsky language]. Saint-Petersburg: Sinod. tip. Publ., 1804. 24 p. (In Russian, Karelian)
11. Pletneva A. A., Kravetskiy A. G. *Cerkovnoslavjanskij jazyk* [Church Slavonic language]. Moscow: Izdatel'skij Sovet RPC Publ., 2006. 272 p. (In Russian)
12. Prokopyev P. K. *Perevody hristianskih knig na inorodcheskie jazyki v pervoj polovine XIX v.* [Translations of Christian books into foreign languages in the first half of the XIX century]. Kazan: tipo-lit. Imp. un-ta Publ., 1904. 40 p. (In Russian)
13. Savelyeva N., Mullonen I., Fedyuneva G. *Karelo-russkij i komi-zyrjansko-russkij slovni-razgovorniki v rukopisnom sbornike 1668 goda* [Karelian-Russian and Komi-Zyryan-Russian phrasebooks in the handwritten collection of 1668]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2021, no. 4, pp. 250–276. (In Russian)
14. *Podkorpus pamjatnikov pis'mennosti Otkrytogo korpusa vepsskogo i karel'skogo jazykov VepKar* [Subcorpus of written monuments of the Open Corpus of the Vepsian and Karelian Languages VepKar]. Available: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru> (accessed January 21, 2025). (In Russian, Karelian, Vepsian)
15. Platon. *Sokrashennyj katihisis* [Abridged Catechism]. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_12968/ (accessed January 29, 2025). (In Russian)
16. Turanov A. A. *K istorii perevoda hristianskih tekstov na udmurtskij jazyk v Glazovskom uezde Vjatskoj gubernii v 1803 g.* [To the history of translation of Christian texts into the Udmurt language in the Glazovsky District of the Vyatka province in 1803]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 1, pp. 102–115. (In Russian)
17. *Karelian in Grammars*. I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ., 2022. 452 p. (In English)
18. *Karjalan kielen näytteitä*. Helsinki: SKS, 1934. 146 p. (In Finnish)
19. Virtaranta P. *Lähisukukielten lukemisto*. Helsinki: SKS, 1967. 240 p. (In Finnish)
20. *Murreh: dialektnaja baza karel'skogo jazyka*. Available at: <http://murreh.krc.karelia.ru/> (accessed January 31, 2025). (In Karelian, Russian)
21. Pahomov M. Jumalan sanaa lyödin kielellä. *Karjalan heimo*, 2020, no. 9–10, pp. 160–161. (In Finnish)
22. Virtaranta P. Über das s im Karelischen. *Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. Pp. 259–274. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новак Ирина Петровна, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11), кандидат филологических наук.

novak@krc.karelia.ru

ORCID ID: 0000-0002-9436-9460

ABOUT THE AUTHOR

Novak Irina Petrovna, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pushkinskaya Str., 11), Candidate of Philological Sciences.

novak@krc.karelia.ru

ORCID ID: 0000-0002-9436-9460